

А. Т. Бикбов

SOCIO-LOGOS'97*

Подобно Протею, который открывает истину герою, способному удерживать его во время всех превращений, альманах «S/L'97» дает более всего читателю, готовому уделять внимание тексту на протяжении всех 234 его страниц. Среди представленных здесь работ нет таких, которые были бы понятны при беглом прочтении. В противовес текстам, совсем не редко составляющим моду российских социологических изданий, каждая из статей альманаха предполагает внимательное отношение, возврат к прочитанному, а возможно, и желание немедленно захлопнуть книгу в знак протеста против ее сложности. Но пожелав сохранить привычное равновесие мысли, читатель рискует оказаться в неведении о способе современно говорить о современном социальном мире. Именно та сложность, которая поначалу отталкивает и, словно насмехаясь, подменяет социологию коварной бессмыслицей, оказывается плодотворным и чрезвычайно эффективным методом разрешения противоречий в сложившемся горизонте социальной теории, не имеющей иного генезиса, чем философская традиция.

Наивно наследуя чужой язык, социологическое описание наследует и проблемы, и парадоксы, рожденные длительной кумуляцией корпуса разнородных текстов, чем предстает на сегодняшний день не только философская, но гуманитарная традиция в целом. Ностальгия по той эпохе прозрачного языка, золотой эре, какую она видится нам теперь, отходит в область сокровенных, едва ли не предосудительных чувствований, поскольку современная теория не может более полагаться на обманчивую открытость языка традиции. Первостепенной задачей в современной социологии является критика собственного языка и обследование тех философских источников, из которых она продолжает питаться. Реализации этой задачи и посвящен альманах. В помещенных здесь работах заинтересованный читатель обнаружит синтез социологической и философской критики теории, направленной на увеличение ее объяснительной способности.

Открывающая альманах статья П. Бурдые «За рационалистический историзм» представляет собой амальгаму «диагноза нашего времени» и манифеста современной социальной науки. Первое явлено здесь через линию критики производства «радикального шика» (с. 10) — постмодернизма, — который, по мнению мэтра, «обладает признаками скорее сектантского, нежели интеллектуального движения» (с. 11). Можно предположить, что говоря так о течении, «делающем эпоху», автор отказывает последней в собственной «эпохальности» — интеллектуальной, по крайней мере. Но если так, какова причина его призыва «быть более радикальными, чем самые радикальные постмодернисты» (с. 27)? Очевидно, в тексте присутствуют два постмодерна: интеллектуальная

* **Socio-Logos'97**: Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М.: ИЭС, 1997. 234 с.

ситуация и выступающие от ее имени. Радикализм в сложившейся ситуации необходим «при пересмотре категорий мышления, предпосылок, выгод, связанных с фактом быть мужчиной, а не женщиной, сформироваться здесь, а не там и т.д. и т.п.» (с. 27). То есть при постановке вопроса о собственной способности ставить вопросы, которыми не осмелилось задаться постмодернистское письмо. Усиленный, доведенный до крайности радикализм не отвергает, как можно представить, мысль в полную бессмыслицу, но дает источник теоретизированию, направление которого вынесено в заглавие статьи. Линия манифеста, взявшая эту мысль своей отправной точкой, построена на уточнении повсеместно декларируемой Бурдье программы объективации объективирующего субъекта, которая актуализируется здесь в методе «двойной историзации» (с. 22): совместном анализе истории объекта и истории категорий восприятия и мышления исследователя.

В следующей статье альманаха Л. Пэнто рассматривает проблему, актуальную не только для интеллектуальной Франции, но не менее — для интеллектуальной России. Автор анализирует феномен «философской журналистики»: стратегию ставки одновременно в поле философии и в поле журналистики, посредством которой через внешние для каждого поля инстанции агенты добиваются роста своего совокупного признания, угрожая тем самым самолегитимности философии. Работа перекликается с критической линией статьи Бурдье и иллюстрируется примерами из французской ситуации. Ее с успехом можно включать в исследование феномена двойной легитимации в России в качестве одной из базовых объяснительных моделей.

Работа Ю. Л. Качанова «О проблеме реальности в социологии», дополненная рецензией А. И. Немировской, дает представление о степени автономии социологической науки. С одной стороны, на тексте отчетливо проступает след философии: идеи и формы построения. С другой, в работе предпринята попытка на самом высоком уровне произвести разрыв философского и собственно социологического объяснения социального. Отправной проблемой статьи выступает установление статуса социальной реальности. Ее граничное определение, завершенное в хайдеггерианской стилистике: имеющее место «предположение присутствия» (с. 60). Дедуцируемый из него статус социального отношения, предпосланного множественности социальных сущих, формулируется, таким образом, как «присутствие отсутствия» (с. 65), т.е. как разрыв в пространственно-времени с любым сущим и несводимость к таковому. В логике данного построения, социологическому изучению может быть подвергнуто то, что связывает и опосредует предсуществующие социальные отношения и актуальные практики — структурирующая структура практик, посредующая этим двум уровням социальной реальности. Таковую автор называет габитус, объяснительный конструкт, введенный П. Бурдье. Габитус есть преодоление пространственно-временного разрыва, производя которое, агенты регулярно воспроизводят предсуществующие им социальные отношения. Отношения, в свою очередь, «проходят» через дискретные топосы — социальные позиции (с. 75), — в пределах которых только и возможна объективация габитуса.

Чрезвычайно интересна небольшая работа Ж.-Л. Нанси «Нехватка ничто», которая представляет собой пример строгого постмодернистского философского исследования (словосочетание, почти невозможное в силу традиции). Окон-

нательной интерпретации истины как существования, «ни в чем не испытывающего нехватки» (с. 97), предшествует ряд продуктивных тавтологий, в которых истина определяется апофатически, автономно, ассоциативно, и которые образуют поле истолкования, смыкающееся с текстами Хайдеггера и Лакана, на синтезе которых автор образует ажурное самодвижущееся построение. Этому тексту, как ни странно, отчасти также присущ тон «диагноза времени», который отмечает первую статью альманаха. Не следует ли видеть в усложнении формы теоретического сообщения ссылку на непрекращающийся «конец эпохи»?

Стремясь избежать ложного впечатления простоты следующих трех текстов в рамках рецензии, решусь обозначить только их центральную проблематику. Работа Ж.-Ф. Миле «Опыт как само-техника (читая Фуко)» дает представление о возможности в рамках жанра «размышлений по поводу» выдерживать критерии содержательности. Основной вопрос статьи: как могут соотноситься в опыте техника (операции над тем, «что не есть «я»») и субъектность («я»). Вопрос историчности опыта здесь, в отличие от первой статьи, решается в рамках объективации только предмета исследования (самого опыта), что полагает ее условием «историчные формы подчинения агента системам предписания» (с. 106), т.е. практики социального господства/подчинения. Являются ли они единственным источником социального опыта как завершенной длительности?

Центральная тема работы Ж. Деррида «Хора» перекликается со статьей Ю. Л. Качанова: хора (воображаемое пространство) как реальность, предоставляющая место политической практике, рассмотренная в поле оппозиции *mythos/logos*. Примечательно, что здесь есть общие с текстом Нанси отсылки к одним и тем же местам у Лакана (с. 131).

Наконец, работа Ф. Лаку-Лабарта «Трансценденция кончается в политике», посвященная вопросу о «захваченности политикой» философской мысли Хайдеггера. Автор аргументирует точку зрения, согласно которой действия «Хайдеггера 1933-го года» с позиции внутрифилософского рассмотрения вписываются в замысел «пере-основания метафизики».

На последней статье хотелось бы остановиться чуть подробнее. Текст Ф. И. Гиренки может быть интересен как образец нетривиального письма на грани автаркии. Здесь упорное невнимание к референтной структуре текста и к правилам научной формы разрешается в эвристическом афоризме, как, например: «Жертва — это то, чем тело до-словности осмысливает жизнь» (с. 233). Подобный стиль помогает противостоять диктату догмы. Однако его собственной догмой оказывается политическое предпонимание, которое демонстрирует себя даже из-под наслоений многозначности. Построение текста произведено в игре между семантически противоположающимися знаками, группирующимися в двух основных последовательностях. Первая: до-словность — жест (тело) — истина (мистерия). Вторая: слово (символ) — культура (идея) — симулякр (сознание). Уже на этом уровне видна оценочная оппозиция: «тело (истина)/символ (культура)». Играя с этими двумя цепочками, автор путем констатаций: «подлинность непосредственна» (с. 223), «спасение — в натуральности до-словного» (с. 221) — невольно сообщает девиз, вполне узнаваемую догму: «Назад к сокровенному! Культура — не пройдет!». Однако имея в виду этот скрытый и, возможно, неустрашимый в подобных случаях структурирующий замысел, текст

можно читать как множество маргинальных для «большой науки» эвристических ходов, и в этой роли его ценность несомненна.

Из всего выше сказанного можно заключить, что альманах «SOCIO/LOGOS» предстает одним из наиболее проработанных и серьезных изданий в российском пространстве социальной мысли и может с полным правом претендовать на внимание как со стороны социолога, так и философа, стремящихся добиться от Протея современности ответа прежде всего на вопрос о самих себе.